Сумеснае
выданне
БДПУ і БСУ

BSU və BDPU
Birgə nəşr

№ 2
2011

Вучоныя запіскі
Серыя мовы і літаратуры
Серыя грамадска-палітычных навук

Elmi əsərlər
Dil və ədəbiyyat seriyası
İctimai-siyasi elmlər seriyası

А.А. ГИРУЦКИЙ

СТРУКТУРА ИМЕНИ В ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА А.Ф. ЛОСЕВА И В СОВРЕМЕННОЙ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Математик – это тот, кто умеет
находить аналогии между утверждениями;
лучший математик тот, кто устанавливает
аналогии доказательств; более сильный математик тот,
кто замечает аналогии теорий; но можно представить
себе и такого, кто между аналогиями видит аналогии.
С. Банах

Современное представление об общей культуре человека вместе с гуманитарными ценностями включает в себя владение им определенным естественнонаучным и математическим знанием. Как отмечают математики, их наука не отличается от других форм культурной деятельности. Образованные люди должны иметь представление о некоторых математических структурах. уметь строить непротиворечивые классификации, отделять существенные признаки от несущественных, как это делается в аксиоматических теориях [2, с. 5]. Точность математики как науки послужила в свое время основной причиной математизации гуманитарного знания.

Процесс математизации лингвистики, по мнению Р.Г. Пиотровского, прошел два этапа. Первый этап характеризовался преобладанием математического подхода к отбору и компоновке языкового материала. Он оказался целесообразным ввиду того, что по сравнению с языкознанием математика имеет более строгую и последовательную организацию. Однако при таком подходе в сферу математической лингвистики включаются лишь те явления языка, которые могут быть подвергнуты экспликации и моделированию с помощью жесткого аппарата современной «количественной» и «качественной» математики. Поэтому вслед за этим этапом, на котором математика исполняла роль «королевы наук», прогнозирует Р.Г. Пиотровский, должен следовать этап сближения, на котором математика будет выступать на службе остальных наук, создавая для языкознания и других гуманитарных наук особый логический аппарат. По его мнению, необходимость в создании такого аппарата объясняется тем, что традиционный математический аппарат был первоначально предназначен для описания «жестких» и сравнительно простых систем неживой природы. В силу этого он оказывается недостаточно адекватным при моделировании сложных гуманитарных, в том числе языковых систем, имеющих полиморфную структуру [4, с. 359]. Принципиальную возможность согласования математического языка с разговорным отмечает лауреат Нобелевской премии, физик В. Гейзенберг: «Вообще говоря, нет принципиальных оснований отрицать возможность полного согласования разговорного слова с искусственным языком математики, и можно задаться вопросом, почему в квантовой механике этого не произошло, тогда как в теории относительности разговорный язык вполне естественно слился с математическим» [1, с. 218].

А.Ф. Лосев в своих работах об имени не использует специальный математический язык, но его логико-понятийный аппарат настолько точен, что его теория имени легко укладывается в различные математические системы и структуры. А.Ф. Лосев не только умеет находить аналогии между утверждениями, но и между аналогиями видит аналогии, и в этом смысле является математиком в высшем стиле. Покажем это на примере нашего геометрического образа слова, который наиболее адекватное представление может находить в таком разделе современной математики, как топология. Топология изучает наиболее общие свойства геометрических фигур, остающиеся неизменными при любых преобразованиях этих фигур. Р.О. Якобсон, для которого, как известно, центральным понятием лингвистики был инвариант, считал, что наиболее адекватное представление это понятие находит в топологии.

В структуре имени, не строя его геометрической модели, А.Ф. Лосев выделяет пять форм «эйдетической предметности имени» – схему, топос, эйдос в узком смысле, символ и миф. Сам эйдос в широком смысле является у него некой завершенной цельностью сущего. Эйдос имени вообще как «завершенной цельности сущего» легко соотносится с представленным на схеме геометрическим образом.

Схема, или схематический слой эйдоса, – это «составляемость и составленность целого из частей, когда целое охватывает части при помощи идеи, выходящей за пределы значимости каждой части» [3, с. 696], что и показано на схеме. Для Лосева схема выступает идеально-математической характеристикой эйдоса, или образа в широком смысле. В схеме важны количественные характеристики эйдоса, расположение и порядок следования элементов, их отношения друг с другом, которые могут задаваться аксиоматически. Приведем в качестве примера несколько таких аксиом.

1) Пара «слово-словоформа» имеет геометрический образ, которому она эквивалентна.

2 Слово состоит из следующих единиц: фонема, морфема, лексема, семема.

2`) Словоформа состоит из следующих единиц: аллофон, алломорф, аллолекс, значение.

3) Элементы слова и словоформы находятся в двух зависимостях – горизонтальных (синтагматических) и вертикальных (парадигматических).

4) Любому слову соответствует один и только один набор словоформ, и, наоборот, любому набору словоформ соответствует не более одного слова.

5) Каждому понятию соответствует не менее одного слова, и каждому слову соответствует не менее одного понятия.

5) Каждому образу соответствует не менее одной словоформы, и каждой словоформе соответствует не менее одного образа и др.

В этом эйдосе не фиксируется никакой самостоятельной предметности (кроме эйдоса имени вообще), а лишь созерцается то, как составляется из отдельных элементов цельный эйдос.

В следующем слое эйдоса – топосе – Лосев выделяет момент качественной определенности составленного из отдельных элементов эйдоса. Здесь даются качественные характеристики топосу, а также составляющим эйдос элементам. С точки зрения математической лингвистики, в рассматриваемом геометрическом образе можно выделить три типа симметрий – поворотную, зеркальную и моноклинную.

Геометрический образ «слово-словоформа» является правильным объектом, поскольку в математическом смысле он составлен из равных частей, равно расположенных относительно других частей. Из равенства частей и их равнорасположенности следует, что для любых двух частей, как бы мы их ни выбирали, всегда существует движение (операция симметрии), которое переводит одну часть в другую, а весь объект в себя. Таким образом, геометрическая фигура допускает возможность осуществления поворотной симметрии, которая переводит фонему в морфему, морфему в лексему и т. д., а при осуществлении полного поворота – все элементы в слово.

Еще одна особенность структурного построения образа определяется тем, что объект «слово-словоформа» разбит на

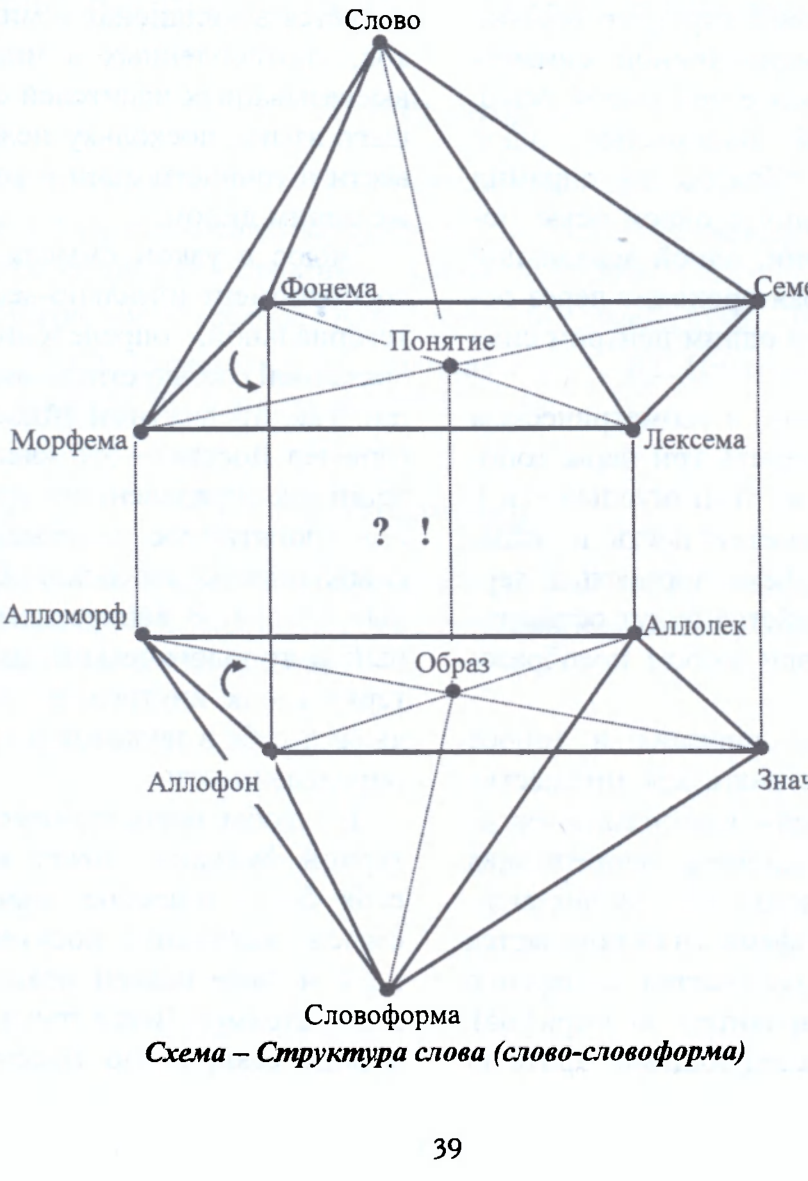

Схема – Структура слова (слово-словоформа)

две структурно равные зеркальные половинки, то есть обладает зеркальной симметрией. Верхняя и нижняя пирамиды представляют собой двусторонюю зеркальную симметрию: элементы каждой из пирамид описываются в разных системах координат – левой и правой. Движение сигнала в верхней пирамиде, если смотреть со стороны наблюдателя, осуществляется против часовой стрелки, в нижней – по часовой стрелке, что вытекает из линейного характера означающего в слове и соответственно соотносится с различными системами координат: в верхней пирамиде – с левой, в нижней – с правой.

Слово и словоформа как объекты принадлежат к самому большому классу структур, поскольку объединяют все слова и словоформы разных языков. А самый большой класс структур обычно характеризуется моноклинной симметрией, то есть не более чем одной осью, одной зеркальной плоскостью плюс центр симметрии. Каждая из пирамид образует «моноклин» с одной осью поворотной симметрии, одной зеркальной плоскостью, которая проходит через основания пирамид, и одним центром симметрии.

Кроме симметрий, в геометрическом образе можно выделить три пары топологических свойств: континуальность и дискретность, симметричность и асимметричность, комплементарность и зеркальность. Эти свойства будут оставаться неизменными при любом преобразовании эйдоса.

Сами элементы пирамид в топосе можно охарактеризовать как множества в верхней, в нижней – как подмножества этих множеств. Например, непрерывная совокупность фонемы <о> (в письменном варианте – графемы о) складывается из исчисляемого количества аллофонов (в письменном варианте – аллографов), представленных следующими зрительными образами: <о>, < ^ >, <ъ>. Фонема выступает, таким образом, как множество, а аллофон как подмножество этого множества, так как каждый его элемент принадлежит фонеме. Фактически аллофон можно также рассматривать как множество, состоящее из ряда подмножеств: <о> – первое подмножество <о, **о**, *о*, ***о***, О, **О**, *О*, ***О***>, <ъ> – второе подмножество <ъ, **ъ**, *ъ*, ***ъ***, Ъ, **Ъ**, *Ъ*, ***Ъ***>, < ^ > – третье подмножество <^, **^**, ^, ^,А,**Л**,*Л*,***Л***>. Элементы каждого подмножества могут группироваться по тем или иным признакам, например: <о-О, **о-О**, *о-О*, ***о-О***, ***о***-**о**-*о*-о, О-*О*-***О***-**О**> и т. д. Каждое из этих подмножеств складывается в свою очередь, из бесконечного множества звуков, находящихся сколь угодно близко к эталону – фонеме. Иными словами, каждый вариант фонемы реализуется в миллионах и миллиардах звуков, употребленных в многочисленных высказываниях носителей соответствующего языка, поскольку нельзя воспроизвести в точности один и тот же звук даже одним лицом.

Эйдос в узком смысле представляет собой момент идеально-вещной, или категориальной, определенности эйдоса, связанной с конкретным именем этой вещи. Так, предметный эйдос слова *топор* (пример Лосева) – это «явленность этой вещи как определенного орудия для рубки» (понятийное содержание), а также совокупность наглядно-образных данных топора. В конкретном имени схемный и топологический слои эйдоса, не теряя своих внутренних характеристик являют себя в звуковой или графической определенности.

Но любая вещь, помимо своей утилитарной функции, может воспринять на себя более широкое значение, особый смысл, выступить носителем глубоких идей и даже некоей невыявляемой тайны. Например, Зевса греки представляли в виде секиры. По Лосеву, особенны образом насыщенный предметный эйдос имени – это символ. Так, в эйдосе имени вообще легко просматривается связь с символом Египта – пирамидой, а также с «мировым яйцом» – символом рождения Вселенной. Поскольку «символ живет антитезой логического и алогического, вечно устойчивого, понятного, и – вечно неустойчивого, непонятного, и никогда нельзя в нем от полной непонятности перейти к полной понятности» [3, с. 699], то применение к его описанию математического аппарата чрезвычайно затруднительно. Здесь наиболее эффективными оказываются методы и приемы семиотики культуры.

И, наконец, символ, «интеллигентно модифицированный», то есть превращенный в живую речь, представляет собой, по Лосеву, миф. В мифе символ становится развернутой сущностью, он действует, проявляет себя вовне, выражая все возможные творческие акты мысли, воли и чувства. В мифе имя *пирамида* – это не просто статически созерцаемая предметность имени, а подлинная каменная библия, воплощение науки древних египтян, эталон математических и геометрических измерений, система хронологических пророчеств.

Таким образом, рассмотрение некоторых постулатов Лосева о предметной сущности имени в свете геометрического образа слова актуализирует прогноз Р.Г. Пиотровского о том, что преодолеть парадокс несовместимости традиционного математического аппарата и сложных гуманитарных систем можно с помощью такого подхода, который сочетал бы математические и эвристические методы и приемы для решения различных, в том числе и лингвистических задач.

Литература

1. *Гейзенберг, В.* Шаги за горизонт / В. Гейзенберг. – М.: Прогресс, 1987. – 368 с.
2. *Еровенко, В.А.* Основы высшей математики для филологов: методические замечания и примеры: курс лекций / В.А.Еровенко. – Минск: БГУ, 2006. – 175 с.
3. *Лосев, А.Ф.* Бытие – имя – космос / А.Ф. Лосев. – М.: Мысль, 1993. – 958 с.
4. *Пиотровский, Р.Г.* Математическая лингвистика / Р.Г. Пиотровский, К.Б. Бектаев, А.А. Пиотровская. М.: Высшая школа, 1977. – 383 с.

Summary

The article deals with five forms of graphic materiality of a name – scheme, topos, image, symbol, myth. They are interpreted linguistically and topologically outcoming into semiotics of culture.